

Научная статья
УДК 140.8+82.09
EDN KRINXZ

К вопросу о мировоззрении В. К. Арсеньева

Наталья Иосифовна Плотникова, кандидат филологических наук
Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков имени
А. Серова, Краснодарский край, Краснодар, Россия
natalya-plotnikova-5454@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с мировоззрением В. К. Арсеньева, которые отразились в его трудах разных жанров. Представленные материалы помогают понять, как шло формирование научных, философских и политических взглядов русского офицера, путешественника, писателя, открывшего для России и мира Дальневосточный регион со всеми его территориальными и историческими особенностями.

Ключевые слова: В. К. Арсеньев, мировоззрение, наука, философия, политика, человек, природа, общество

Для цитирования: Плотникова Н. И. К вопросу о мировоззрении В. К. Арсеньева // Фотьевские чтения – 2024 : материалы всерос. науч.-практ. конф. (Благовещенск, 20 декабря 2024 г.). Благовещенск : Дальневосточный ГАУ, 2025. С. 90–101.

Original article

On the question of V. K. Arsenyev's worldview

Natalia I. Plotnikova, Candidate of Philological Sciences
Krasnodar Higher Military Aviation School of Pilots named after A. Serov
Krasnodar krai, Krasnodar, Russia, natalya-plotnikova-5454@mail.ru

Abstract. The article discusses issues related to the worldview of V. K. Arsenyev, which are reflected in his works of various genres. The presented materials help to understand how the scientific, philosophical and political views of the Russian officer, traveler, and writer were formed, who discovered the Far Eastern region.

Keywords: V. K. Arsenyev, worldview, science, philosophy, politics, man, nature, society

For citation: Plotnikova N. I. On the question of V. K. Arsenyev's worldview. Proceedings from Fotyev readings – 2024: *Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya*. (PP. 90–101), Blagoveshchensk, Dal'nevostochnyi gosudarstvennyi agrarnyi universitet, 2025 (in Russ.).

В. К. Арсеньев – русский офицер, путешественник, писатель, вся деятельность которого связана с Дальним Востоком. Он внес большой вклад в исследование далекой от центра страны территории не только как путешественник, но и как ученый. Его труды изучаются военными, географами, историками, литературоведами и многими другими исследователями, раскрывая, насколько широки были познания Владимира Клавдиевича о Дальневосточном крае.

Вопрос о мировоззрении В. К. Арсеньева достаточно сложный. Он представлял собой личность многогранную, чья жизнь выпала на переломный исторический период конца XIX и первой четверти XX веков: войны, революция, смена одного строя другим.

Прежде чем обратиться к личности Арсеньева и его взглядам на жизнь, остановимся на определении термина «мировоззрение» разными учеными. Их достаточно много:

1. Мировоззрение – система взглядов, воззрений на природу и общество [1].
2. Мировоззрение складывается из элементов, принадлежащих ко всем формам общественного сознания; большую роль в нем играют философские, научные, политические, нравственные и эстетические взгляды [2].
3. Мировоззрение – комплекс представлений человека о себе и мире, единство знания, оценки и жизненной позиции (мироустанови), совокупность его нравственных, философских, политических и иных ценностных представлений, реализующихся в делах и поступках человека [3].

Следовательно, мировоззрение человека складывается из его отношения к миру, а также из его научных, философских, нравственных, политических взглядов.

Владимир Клавдиевич не замыкался в рамках какой-либо одной науки, он обладал широким кругозором, ориентировался во многих смежных науках. Арсеньев решал задачи, которые ставил перед собой, постепенно расширяя

круг исследуемых вопросов: от топографии и геологии через географию и этнографию к проблемам человеческим, к писательскому труду.

Как ученый он был избран во многие научные общества России, а также получил высокую оценку за рубежом: в 1919 г. Вашингтонское национальное географическое общество и Британское Королевское географическое общество избрали его своим пожизненным членом [4].

Н. Кабанов, один из исследователей творчества Арсеньева, давая высокую оценку деятельности ученого, отмечал его заслуги в исследовании Сихотэ-Алиня и обращал внимание на то, что ученый в своих трудах описывал рельефы гор, рек и их притоки, перевалы, прибрежную полосу Японского моря и Татарского пролива; описывал минеральные источники, дороги; вел метеорологические наблюдения, производил поиски древних городищ и многое другое [5]. Сам же В. К. Арсеньев называл себя этнографом, определяя таким образом сферу своего научного интереса. Его, в первую очередь, интересовали люди, населявшие Дальний Восток: русские (старообрядцы, переселенцы), местные народы (удегейцы, тазы, нанайцы и др.), китайцы, корейцы.

Следует обратить внимание на перечень трудов Арсеньева, отражающих его научные интересы: Материалы по изучению древнейшей истории Уссурийского края; Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края; Китайцы в Уссурийском крае; Очерк историко-этнографический; Вымирание инородцев Амурского края; Краткий физико-географический очерк бассейна реки Амур; Наши американоиды; Шаманство у сибирских инородцев и их анимистические воззрения на природу; Этнологические проблемы на Востоке Сибири; Археография: памятники старины в Уссурийском крае и Маньчжурии [6] и многие другие материалы.

Заслуги Владимира Клавдиевича не остались незамеченными: после проведения знаменитых экспедиций 1906–1910 гг. ученый побывал в Петербурге и Москве, где выступал с докладами в различных научных обществах и был

награжден серебряной медалью за подаренную Русскому музею этнографическую коллекцию.

Всю свою жизнь В. К. Арсеньев, служа Отечеству, пытался понять, что несет цивилизация аборигенам, чем отличаются моральные принципы белого человека и, например, таежного жителя Дерсу Узала. Взгляды писателя на окружающий мир, природу и человека в ней отражены и в его книгах: «По Уссурийскому краю», «Дерсу Узала», «В горах Сихотэ-Алиня». Эти произведения представляют некий синтез, о котором Арсеньеву писал академик В. Л. Комаров: «Не знаю, как и благодарить Вас за Ваши интересные книги о путешествиях 1906–1907 годов. Картины природы, бурные потоки, выюки и над всем этим симпатичный вдумчивый облик Дерсу; одним словом, и наука, и эстетика, и этика – все есть на этих прекрасных страницах, которыми я прямо зачитался» [7, С. 92].

На наш взгляд, научные и философские интересы Арсеньева тесно переплетаются. И хотя Владимир Клавдиевич не написал ни одного собственно философского сочинения, все его работы (научные, научно-художественные, письма родным и близким, коллегам, друзьям) отразили глубоко философское отношение к жизни.

В. К. Арсеньев, чья жизнь выпала на переломный момент в истории его родины, пройдя через испытания трудностями освоения Дальнего Востока в дореволюционный период, революции, Гражданской войны, сложного периода 1920-х гг., выработал твердую гражданскую позицию, оставшись патриотом, на что, как мы считаем, повлияли его философские взгляды, формировавшиеся на протяжении всей его жизни.

В одном из писем Ангелине Михайловне Янковской в 1920 г., по поводу смерти ее мужа Ивана Михайловича Янковского, Арсеньев писал: «Что можно сказать в утешение? У каждого человека есть свои горечи. Один эту чашу горечи выпьет в детстве, другой – в юности, иному приходится страдать под старость. Вам на долю выпало испытать эту чашу до дна – теперь. В себе самой Вы

должны найти силы душевные, пережить это горе, перестрадать. Найти в себе эти стоические силы искренно и от души Вам желаю. Об И. М. Янковском у меня остались очень хорошие воспоминания. Это был редкой души человек, отзывчивый, добрый, энергичный, способный... По воле Всевышнего он был вызван из небытия, пожил недолго, сделал тот путь, который положен ему Предопределением, и снова вернулся в небытие, оставив друзей своих на земле доканчивать свои пути, чтобы уйти туда же. Сегодня ты, а завтра – я! Закон жизни есть закон смерти. Абсолютной смерти нет! Рождение и смерть – вот два важных момента в жизни, связывающие нас с предками и потомками. Область абстрактных мышлений (философия) дает нам иногда утешение...» [8, С. 347].

И философия, и религия обращаются к проблеме бессмертия души, проблеме существования человека в этом мире. Короткое письмо частного характера, но в нем отразилось философское ощущение и осознание бытия, отношение Арсеньева к жизни и смерти, которые, по его словам, являются предопределенными Всевышним.

По нашему мнению, Арсеньева нельзя назвать атеистом, несмотря на то, что он был ученым и порой поступал не совсем адекватно, на взгляд обывателя (например, снял мумию шамана с дерева и отправил ее в Санкт-Петербургский музей). Однако мы можем предположить, что Арсеньев, выросший в патриархальной семье на христианских традициях, естественно, должен был иметь у себя дома Библию. Но, кроме Книги Священного писания Ветхого и Нового заветов, были у него и другие книги религиозного характера. Подтверждением этому служит наличие их в личной библиотеке писателя, находящейся в фонде библиотеки Общества изучения Амурского края в городе Владивостоке.

На сегодняшний день сохранились 883 книги, которые сотрудники библиотеки определили по разделам (их 15), один из которых под номером 13 – Религия. В этом разделе указаны 20 источников. Даже этот сохранившийся

материал подтверждает серьезное отношение писателя к религиозным проблемам и к их изучению. Оппоненты могут возразить, что, будучи этнографом, он не мог не обращаться к религиям разных народов, включая и местных аборигенов. Это действительно так: наряду с книгами о шаманстве, о камлании в его личной библиотеке имеются и произведения о религиях Востока, о конфуцианстве и таоизме, а также работа Н. Герасимова «Нирвана и Спасение» [9].

Об особо вдумчивой и серьезной работе над ее содержанием говорит большое количество помет, сделанных рукой Арсеньева. Так, на стр. 9, например, подчеркнуты строки, содержащие следующее: «В обширной брахманской литературе оно [миросозерцание] выразилось всюду с равной глубиной и поэзией. Грустный мотив «плача за человечество» смягчается верой в лучшую бестелесную жизнь за гранями этого мира, бескорбную небесную долю, а нежная религиозная любовь и участие преображает острое, болезненное чувство всемирного страдания...».

На стр. 10 выделена такая мысль: «Нет верного счастья на свете, все наше счастье – увь, только меньшее из несчастий»; на стр. 11 – «В самом себе пойми своего друга, в самом себе и врага»; на стр. 12 выделена фраза: «Высшее благо – кротость»; на стр. 13 – «Дорожи счастьем всех существ»; на стр. 21 – «Атман-Брахман познается путем внутреннего самоуглубления», а на стр. 22 – «Имя Брахмана – истина» и т. д.

Выделенные строки отражают интерес Арсеньева к философии и культуре Востока, в которых его привлекают вопросы, связанные с духовной основой мира (брахман) и тождественной ей духовной сущностью человека (атман). Подобную работу мысли писателя над текстом можно найти и в других источниках, к которым он обращался.

Стоит отметить и то, что писателя захватывают раздумья о вечности, о работе веков, о бренности мира. Какие бы вопросы В. К. Арсеньев не поднимал в своих произведениях, он постоянно возвращался к мыслям о сущности

мира и месте человека в нем. «Сколько понадобилось веков для того, чтобы разрушить горную породу и превратить ее в песок! Сколько понадобилось времени, чтобы песчинка за песчинкой заполнить залив и вытеснить морскую воду!», – так рассуждал Владимир Клавдиевич в своей книге «По Уссурийскому краю» [10, С. 137].

Концепция «человек – природа – общество» находит полное отражение в творчестве писателя. Интерес ученого к этнографии, его общение с местным народом помогли ему понять, что человек и природа – это единое целое, при нарушении которого первый губит, в первую очередь, самого себя. Являясь человеком социума, В. К. Арсеньев не сразу приходит к такому выводу.

Ю. В. Маретин в одной из своих работ [11] говорит о совпадении нравственной позиции Арсеньева с «этикой благоговения перед жизнью» А. Швейцера, немецкого гуманиста. Исследователь отмечает, что первым обратил внимание на совпадение нравственных позиций этих подвижников И. Кузьмичёв [12].

В чем же совпали их нравственные позиции? Обратимся к эпизоду из произведения В. К. Арсеньева «По Уссурийскому краю»: «По свойственной казакам-охотникам привычке Мурзин поднял свое ружье и стал целиться в ближайшего к нему сивуча, но Дерсу остановил его и тихонько отвел в сторону винтовку.

– Не надо стреляй, – сказал он. – Таскай не могу. Напрасно стреляй – худо, грех.

...К сивучам можно было только подъехать на лодке. Убитого сивуча взять с собой мы не могли; значит, убили бы его зря и бросили на месте.

Вместе с тем меня поразили Дерсу своими словами. «Напрасно стрелять – грех!» Какая правильная и простая мысль! Почему же европейцы часто злоупотребляют оружием и сплошь и рядом убивают животных так, ради выстрела, ради забавы?» [10, С. 250].

Интуитивная в данном случае этика «дикаря» Дерсу Узала, выразителем которой является писатель, перекликается с мыслями философа-ученого А. Швейцера: «Что говорит этика благоговения перед жизнью об отношениях между человеком и творением природы? Там, где я наношу вред какой-нибудь жизни, я должен ясно осознавать, насколько это необходимо. Я не должен делать ничего, кроме неизбежного, – даже самого незначительного. Крестьянин, скосивший на лугу тысячу цветков для корма своей корове, не должен ради забавы сминать цветок, растущий на обочине дороги, так как в этом случае он совершит преступление против жизни, не оправданное никакой необходимостью» [13, С. 223].

Этические нормы, выработанные гуманистом А. Швейцером, созвучны этическим нормам, выразителями которых являются путешественник и Дерсу в произведениях В. К. Арсеньева. Люди не могут существовать в гармонии, и, как следствие этого, наблюдается раздвоение воли человека, о чем и рассуждает Швейцер как об общечеловеческой проблеме: «И я подвержен раздвоению воли в жизни. В тысячах форм моя жизнь вступает в конфликт с другими жизнями. Необходимость уничтожать жизнь или наносить ей вред живет также и во мне... Я добываю себе пищу путем уничтожения растений и животных» [13, С. 223].

Много рассуждает и Арсеньев на страницах своих произведений о необходимости выбора, перед которыми стоит человек, о нравственных основах этого выбора. Можно только догадываться, какие чувства испытывал путешественник, когда ему пришлось расстаться с любимой собакой, поступив по отношению к ней жестоко. Но эта жестокость была вынужденной и, с точки зрения человеческой морали, вполне оправдана: смерть собаки или гибель целого отряда от голода и холода. «В этот день мы убили ее и мясо разделили на части. Бедная Альма! Восемь лет она делила со мной все невзгоды походной жизни. Своею смертью она спасла меня и моих спутников» [14, С. 64]. За этой

лаконичной фразой – борьба чувств и выбор единственно правильного решения, описание которого придает этому отрывку эмоциональную ценность. Поэтому вполне правомочно говорить о гуманизме Арсеньева, сочетавшего в себе любовь к природе и любовь к людям. Как отмечает Ю. В. Маретин, «именно общегуманистическое мировоззрение В. К. Арсеньева привело его от неистовой жажды познания новых земель к столь же неутомимой жажде постижения людей, населяющих эти земли» [11, С. 8].

Сам же Арсеньев в автобиографических записках, рассказывая о своем знакомстве с врачом В. А. Угловым, днем заведовавшим бактериологической лабораторией, а по ночам занимавшимся астрономией, замечает следующее: «В. К. Арсеньев часто бывал у него и проводил время в увлекательных беседах на темы натурфилософские. Иногда эти беседы затягивались далеко за полночь [15, С. 127]. На протяжении всей своей жизни Арсеньев постигал красоту природы, но не идеализировал отношение к ней человека. При этом для себя он выработал целый ряд нравственных принципов, которых старался придерживаться и которые передал сыну в форме «Вечной памятки для Воли». В ней он говорит «о необходимости ценить время, всегда ставить цель и стремиться к ее достижению, об упорстве, хороших манерах, об уважении к самому себе, работе над дурными привычками, об отношении к природе», отмечая, что «природа возвращает нам то, что мы ей даем». На наш взгляд, эта мысль звучит сегодня как никогда актуально. Она еще раз подтверждает, что писатель по своим взглядам был настоящим ученым-гуманистом.

Сложным является вопрос о политических взглядах Владимира Клавдиевича. Он был офицером царской армии, о чем ему после революции неоднократно припоминали, поставив на учет в ГПУ. Но он был, в первую очередь, патриотом своей земли и не покинул ее, хотя мог это сделать вполне легально. Как многие русские интеллигенты, Арсеньев принял февральскую революцию в надежде на скорые перемены, но убедился в бессилии буржуазного правительства.

Считать, что он принял советскую власть и ее идеологию, было бы неверно: подобный взгляд не соответствовал воспитанию и мировоззрению писателя. Пришло разочарование, он подал в отставку и «ушел в тайгу». На Дальнем Востоке в 1920–1921 гг. была сложная политическая обстановка в результате совершенного японцами контрреволюционного переворота. Правительство братьев Меркуловых стало торговать богатствами края, что возмутило русских патриотов, среди которых был и В. К. Арсеньев. Даже в этих условиях для него важны были не личные, а национальные интересы России. В период интервенции у многих русских, так называемых «бывших» офицеров, обостряются патриотические чувства, и они принимают участие в освобождении Дальнего Востока от японцев, американцев, англичан и прочих врагов России.

В. К. Арсеньев внешне стоит как бы в стороне от политики: на первом плане – обработка исследовательских материалов, работа над статьями, книгами. Когда в октябре 1922 г. в Приморье вошли части народно-революционной армии Дальневосточной республики, многие друзья и знакомые Владимира Клавдиевича стали уезжать. Но Арсеньев сделал свой выбор и «решил разделить участь своего народа» [15, С. 135]. В связи с этим напрашивается вывод о политических взглядах Арсеньева: он не был ни за «белых», ни за «красных». Он был патриотом, ученым, для которого понятия чести, совести, порядочности не были абстрактными понятиями. В своих поступках Арсеньев исходил только из нравственных принципов.

После смерти В. К. Арсеньева его жена Маргарита Николаевна была арестована и, давая показания, отметила: «Политические взгляды нашего круга были либеральные, сугубо надлокальные, мы стояли на платформе конституционного буржуазно-демократического политического строя. Принадлежность к такому кругу создала между мной и мужем моим полную общность и гармонию в политических взглядах и вообще во всей нашей идеологии, идеалах и стремлениях» [16].

Таким образом, можно прийти к выводу, что В. К. Арсеньев как ученый, путешественник, писатель, общественный деятель, был выразителем взглядов русской интеллигенции начала XX в. на происходящие исторические изменения российского общества. До конца своей жизни (1930 г.) он честно служил Отечеству.

Список источников

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М. : Русский язык. 1975.
2. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя. М. : Политическая литература, 1975.
3. Садохин А. П. Культурология. Словарь терминов, понятий, имен. М. : Директ-Медиа, 2014.
4. Тарасова А. И. В. К. Арсеньев. М. : Главная редакция восточной литературы, 1985. 111 с.
5. Кабанов Н. И. В. К. Арсеньев – краевед, археолог, историк. Владивосток, 1987. 99 с.
6. Арсеньев В. К. Собрание сочинений. Том 3. Научно-практические публикации, отчеты, доклады. 1906–1916 гг. Владивосток, 2012.
7. Пантелеев В. Жизнь Арсеньева (1872–1930) // Писатель и время: сборник документальной прозы. 1991. Вып. 6. С. 91–92.
8. Дьяченко Б. Янковские // Рубеж. Тихоокеанский альманах. 1992. № 1. С. 327–348.
9. Герасимов Н. Нирвана и Спасение. М. : Товарищество скоропечатания А. А. Левенсон, 1914. 248 с.
10. Арсеньев В. К. По Уссурийскому краю. Дерсу Узала. Новосибирск, 1994. 453 с.
11. Материн Ю. В. Основные проблемы изучения жизни и трудов В. К. Арсеньева // Страны и народы Востока. Выпуск XX. Страны и народы Тихого океана. 1979. Книга 4. 1979. С. 8–16.
12. Кузьмичёв И. И. Писатель Арсеньев. Личность и книги. Ленинград, 1977. 240 с.
13. Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М. : Прогресс, 1992. 578 с.
14. Арсеньев В. К. В горах Сихотэ-Алиня : полное собрание сочинений в 6 томах. Том 3. Владивосток : Примиздат, 1947–1949. 284 с.
15. Аристова Т. Ф. «Мне сопутствовала счастливая звезда». Материалы из биографии В. К. Арсеньева // Дальний Восток. 1986. № 7. С. 120–173.
16. Дьяченко Б. Приключения Маргариты, жены путешественника // Большой Владивосток. 1994. С. 8.

References

1. Ozhegov P. I. *Dictionary of the Russian language*, Moscow, Russkii yazyk, 1975 (in Russ.).
2. Rosenthal M. M. (Eds.). *Philosophical dictionary*, Moscow, Politicheskaya literatura, 1975 (in Russ.).
3. Sadokhin A. P. *Culturology. Dictionary of terms, concepts, names*, Moscow, Direkt-Media, 2014 (in Russ.).
4. Tarasova A. I. *V. K. Arsenyev*, Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury, 1985, 111 p. (in Russ.).
5. Kabanov N. I. *V. K. Arsenyev – local historian, archaeologist, historian*, Vladivostok, 1987, 99 p. (in Russ.).
6. Arsenyev V. K. *Collected works. Vol. 3. Scientific and practical publications, reports. 1906–1916*, Vladivostok, 2012 (in Russ.).
7. Panteleev V. The life of Arsenyev (1872–1930). *Pisatel' i vremya: sbornik dokumental'noi prozy*, 1991;6:91–92 (in Russ.).
8. Dyachenko B. Yankovskie. *Rubezh. Tikhookeanskii al'manakh*, 1992;1: 327–348 (in Russ.).
9. Gerasimov N. *Nirvana and Salvation*, Moscow, Tovarithchestvo skoropechataniya A. A. Levenson, 1914, 248 p. (in Russ.).
10. Arsenyev V. K. *In the Ussuri region. Dersu Uzala*, Novosibirsk, 1994, 453 p. (in Russ.).
11. Materin Yu. V. The main problems of studying the life and works of V. K. Arsenyev. *Strany i narody Vostoka. Vypusk XX. Strany i narody Tikhogo okeana*, 1979;4:8–16 (in Russ.).
12. Kuzmichev I. I. *Writer Arsenyev. Personality and books*, Leningrad, 1977, 240 p. (in Russ.).
13. Shveitser A. *Reverence for life*, Moscow, Progress, 1992, 578 p. (in Russ.).
14. Arsenyev V. K. *In the mountains of Sikhote-Alin: complete works in 6 volumes. Vol. 3*, Vladivostok, Primizdat, 1947–1949, 284 p. (in Russ.).
15. Aristova T. F. "I was accompanied by a lucky star". Materials from the biography of V. K. Arsenyev. *Dal'nii Vostok* 1986;7:120–173 (in Russ.).
16. Dyachenko B. The adventures of Margarita, the traveler's wife. *Bol'shoi Vladivostok*, 1994;8 (in Russ.).

© Плотникова Н. И., 2025

Статья поступила в редакцию 15.01.2025; одобрена после рецензирования 30.05.2025; принята к публикации 31.07.2025.

The article was submitted 15.01.2025; approved after reviewing 30.05.2025; accepted for publication 31.07.2025.